

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО НЕЙРОХИРУРГИИ

(к 100-летию со дня рождения К.И. Харитоновой)

4 февраля 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения крупного нейрохирурга и ученого, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Ксении Ивановны Харитоновой.

Восхождение

Вся жизнь Ксении Ивановны связана с Новосибирском. 17-летняя Ксения, еще учась в медицинском училище, начала работать препаратором на кафедре оперативной хирургии Новосибирского ГИДУВ'а. Затем она поступила в Новосибирский медицинский Институт, успешно его закончила и стала хирургом.

Грянула война. Ксения Ивановна трудится в эвакогоспиталях, и днем и ночью оперируя раненых. В 1946 г. на базе одного из них создается Новосибирский Институт восстановительной хирургии, травматологии и ортопедии. Среди его первых сотрудников — Ксения Ивановна Харитонova. Здесь у нее пробудился интерес к нейрохирургии. И уже в 1949 г. она защитила кандидатскую диссертацию по лечению последствий ранений периферических нервов.

Спустя год возглавила первую в Сибири нейрохирургическую клинику, в которой оказывали помощь населению обширнейшего региона. Появлялись ученики и разворачивались исследования, прежде всего по проблемам черепно-мозговой травмы и её осложнений. Ксения Ивановна защитила докторскую диссертацию в

середине 60-х годов. Ей присвоили звание «профессор».

Новосибирская школа нейрохирургии, выпестованная Ксенией Ивановной, завоевала всесоюзный авторитет. Профессор К.И. Харитонova организовала межобластной нейрохирургический центр и создала нейрохирургическую службу Сибири с широкой сетью отделений в Красноярске, Кемерово, Прокопьевске, Томске, Барнауле...

И, наконец, вершина естественной карьеры — в 1970 г. Ксению Ивановну назначили директором Новосибирского НИИ травматологии и ортопедии. В этом качестве её свершения приобретают еще большую масштабность — развитие в Сибири не только нейрохирургии, но и травматологии, ортопедии, восстановительной хирургии, создание специализированной плановой и ургентной помощи населению.

Ксения Ивановна построила новый корпус Института и расширила его экспериментальную и клиническую базу. Публиковались руководства и монографии, защищались докторские и кандидатские диссертации. Так продолжалось 16 лет, пока обстоятельства не вынудили Ксению Ивановну оставить директорский пост.

Личность

Ксения Ивановна была красивой, обаятельной женщиной, мягкой и тактичной в общении, с нежной и ранимой душой, но проявляла твердость и даже жесткость, когда этого требовали интересы дела. Она обладала незаурядным умом и талантом, что в сочетании с добросовестностью, исключительной организованностью, трудолюбием и честностью обеспечивало успешность осуществления самых сложных проектов. Что её выделяло и одновременно притягивало к ней — это абсолютная порядочность во всем, свойственная ей независимость в суждениях и справедливость в действиях. Неравнодушная Ксения Ивановна всегда отзывалась на чужую беду. Ксения Ивановна, например, в 60-е годы протянула руку помощи гонимому Льву Хаесу и, с пользой для больных и здравоохранения, способствовала назначению его заведующим нейрохирургическим отделением в подшефном Кемерово.

В любых спорных и сложных ситуациях в отечественном нейрохирургическом мире мнение Ксении Ивановны являлось весомым.

А какой она была общественницей! И в областном Комитете защиты мира, и в Комитете советских женщин Ксения Ивановна твердо отстаивала интересы Родины. И ордена Ленина и Октябрьской революции за её деятельность — достойная награда!

Ксения Ивановна любила природу, любила поэзию и вела регулярную переписку с друзьями.

Избранные места из переписки

«Самая дорогая вещь на свете — это здоровье, самое время».

«Федор Исаакович мне пишет: «Зачем Вам связываться со строительством лабораторного корпуса? Для кого Вы строите? Занимайтесь наукой и нейрохирургией». А я рассуждаю так: «Раз я директор — я обязана думать об Институте и его перспективах. Если буду думать только о себе и нейрохирургии, то я буду предательницей по отношению к Институту и его коллективу».

«Я устала от борьбы за существование нейрохирургии и считаю, что жестокая несправедливость — доказывать, что мы нужны, в то время как нам должны кланяться в пояс за то, что мы выполняем тяжелый труд нейрохирургов».

«В хорошей одежде стройнее и подтянутее фигура, лучше осанка, приятнее — благороднее весь облик человека. Старая или старомодная одежда подчеркивает годы, возраст. Поэтому шейте себе наряды, одевайтесь!!! — и будьте до конца женщиной — женщиной неопределенного возраста. Не дай Бог уверить себя в том, что пришло время сдаваться! Ни в коем случае!».

«Человек так устроен, что все хорошее помнит, а плохое выбрасывает из памяти».

«Сегодня веет теплая метель. Сильный ветер несет мириады снежинок. Воздух как мелькающая белая пелена. Шумят и клонятся верхушки сосен, а под ними, в лесу — тихо».

«На прошлой неделе я оперировала: в среду — парасагитальную менингиому, в четверг — невриноу слухового нерва у диабетика, а в пятницу был такой наплыв больных, что мне пришлось в 6 часов вечера встать за операционный стол и оперировать больного с осложненным переломом шести грудных позвонков».

«Мне кажется, что я умру, как только перестану работать».

«Не покидает мысль о том, что хорошо бы уйти, как ушел мой Женя (*трагически погибший сын* — Л.Л.), и уйти поскорее. Что-то мне надоело жить. Очень одинокой я себя чувствую и не вижу впереди ничего светлого. Жить могу только на людях, только в действии».

«Почему я не предотвратила этот страшный исход? (*смерть сына* — Л.Л.). Терзаюсь и не нахожу себе покоя. Жаль мне его и жаль себя. Река моих слез бесконечна. Одинокая старость. И никакого следа после себя. Можно было бы жить для сына, ради него, около него. А сейчас — с кем, для кого, ради чего?»

«Леность души — первый признак старости».

«М.С. Горбачев говорит о втором этапе перестройки. А что дал первый этап? Гласность обнажила страшные вещи, но она же распустила людей».

«Я в ужас пришла, прочитав о жизни Н.И. Вавилова — этой гордости человеческого гения, погибшего в муках в застенках Берии и Сталина».

«Нельзя быть предком среди молодых».

«Везде говорят, дискутируют, ссорятся, оскорбляют друг друга, кто по-рабоче-крестьянски, кто по-академически. Бесконечные съезды, конференции, митинги — все это уже надоело».

«Дух дружбы, хорошего человеческого внимания и контакта, который был всегда в нашей клинике, исчез. Появились апатия, равнодушие. Хорошо организованная в прошлом нейрохирургия разваливается».

«Скончался Г.А. Габибов. Жаль, рано ушел из жизни, но ушел красиво. Почетная и завидная смерть у хирурга, внезапно умершего во время работы в операционной».

«В декабре круглая дата у А.Н. Коновалова. Слежу за его деятельностью и люблю его. Он мудрый — сохраняет свои старые кадры».

«Начала читать «Архипелаг Гулаг». Страшная вещь. Вероятно, все, о чем пишет Солженицын, было. Но он так нагнетает одно событие на другое, так сгущает краски, создает немыслимо тревожный настрой — лучше бы я не читала эту книгу!»

«Сжигаю последние мосты. Все прошлое — моя работа, увлеченность ею, мои интересы, знания и опыт — уходят куда-то...»

«Похудела, подурнела, постарела. Болезнь не дает возможности нормально жить, общаться, писать моим друзьям. На уме — болезнь, физически — потрясающая слабость».

Ксении Ивановны не стало 1 декабря 1993 г.

Наша дружба

Я познакомился с Ксенией Ивановной в середине 60-х годов. Мы оба занимались изучением черепно-мозговой травмы: она — в Новосибирском Институте травматологии и ортопедии, я — в Горьковском Институте того же профиля. Мы встречались и на открытых нейротравматологических конференциях, и на закрытых заседаниях по гражданской обороне. Видимо, произвели друг на друга благоприятное впечатление и сблизились. Ксения Ивановна углубилась в проблемы воспалительных осложнений повреждений черепа и мозга, я — преимущественно в проблемы закрытой черепно-мозговой травмы, в особенности внутричерепные гематомы. Наши наработки представляли взаимный интерес. А наряду с этим обнаружили близкие взгляды на жизнь, литературу, живопись, природу. Её и меня манили путешествия.

Я проникся глубокой симпатией и уважением к этой достойной, доброй и сильной натуре. Посылал все свои научные опусы — её мнение было очень значимым. И, конечно, когда в 1973 г. вышла в свет моя с Львом Хитриным книга «Травматические внутричерепные гематомы», первой, кому её отправил, была Ксения Ивановна Харитоновна. Она отозвалась серьезным анализом монографии; её пространственный отзыв опубликовал один из центральных журналов. Для меня это

была весомая поддержка и вдохновение на дальнейшие исследования.

Наши встречи и переписка продолжались. В составе делегации нейрохирургов мы вместе с Ксенией Ивановной побывали на советско-немецком симпозиуме в ГДР. Как достойно она представляла Советский Союз!

Я несколько раз был в гостях у Ксении Ивановны в Новосибирске. Она так радушно принимала у себя дома и угощала вкуснейшими пельменями собственного производства.

Когда, наконец, Ксения Ивановна оказалась в Нижнем Новгороде, мы долго бродили с ней по крутым оврагам над Волгой. Ей было тяжело, но открывавшиеся волжские дали неутомимо восхищали сибирячку с Оби.

Рак как-то незаметно подкрался к Ксении Ивановне. Она перенесла всё — и операцию, и облучение, и химиотерапию. Устояла и сохранила свою улыбку, доброжелательность, интерес к жизни во всех её проявлениях.

Не забуду, как в сентябре 1991 г. на последней еще Всесоюзной конференции нейрохирургов в Одессе после докладов и дискуссий я танцевал с Ксенией Ивановной. Куда делись её болезни и страдания? Казалось, впереди выздоровление. Увы...

Память и памятники

Ксению Ивановну тем, кто её знал, забыть невозможно. Но еще значимей судьба дела, которому она отдала свою жизнь. Нейрохирургия в Сибири, в становление которой вложила столько сил профессор Харитонов, продолжает бурно развиваться — и количественно, и качественно. Ныне крупные нейрохирургические отделения, оснащенные новейшими диагностическими и лечебными технологиями, есть не только во всех областных центрах, но и во многих городах региона. От возвращенных Ксенией Ивановной 30 кандидатов и докторов наук пошли многочисленные внучатые продолжения.

В Новосибирске и Тюмени созданы новые нейрохирургические центры федерального значения, где успешно делают сложнейшие операции на головном и спинном мозге, которые раньше могли выполнять только в Москве и Ленинграде.

Сегодня отечественная нейрохирургия приращивает сибирской нейрохирургией, истоки которой идут от Ксении Ивановны Харитоновой.

Леонид Лихтерман
профессор,

Заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии России
Институт нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко